

Сергей ЖЕНОВАЧ, режиссер:

Театр не может быть индивидуальным

Одна из самых заметных премьер сезона — «Правда хорошо, а счастье лучше» в Малом театре в постановке Сергея ЖЕНОВАЧА. О спектакле режиссер рассказал корреспонденту «Известий» Ольге РОМАНЦОВОЙ.

— Почему вы решили поставить «Правду хорошо, а счастье лучше» — малоизвестную, редко идущую на сцене пьесу Островского? Ее сюжет может показаться слишком простым и даже наивным.

— У Островского много пьес, и каждая из них по-своему интересна и самобытна. Некоторые, как «Бесприданница» или «Гроза», с первых секунд ошеломляют, производят сильное впечатление. А есть пьесы, которые при первом знакомстве такого впечатления не оставляют. Я называю их тихими, негромкими пьесами. Они ничуть не хуже. Просто необходимо спокойно и внимательно прочесть такую пьесу, попытаться войти в ее мир, почувствовать ее глубину. Если это удастся и тихая пьеса раскрывает свое очарование, отделаться от нее уже невозможно. Она становится частью тебя. Так получилось и с «Правдой хорошо, а счастье лучше». Безусловно, в ней есть наивность. Но мне кажется, в наивности — своеобразие этой пьесы. Вернее, в наивном абсурде. У Островского практически не бывает пьес чистого жанра. В любой есть лирические, трагические, комические моменты и множество разных обертонов.

— А на характеры героев этот наивный абсурд как-то влияет?

— У Островского нет персонажей плохих и хороших, старых и новых. Я бы даже сказал, что у него не столько характеры, сколько типы характеров и ситуационные блоки, из одной пьесы переходящие в другую. Но я воспринимаю героев «Правды хорошо, а счастье лучше» как живых людей. Все время думаю об этих людях, люблю их, и мне хочется рассказать их историю. В нашей профессии важно за словами драматурга увидеть некую другую реальность, другой мир. Почувствовать его, полюбить, а потом через пространство, ритмы, артистов попытаться этот невидимый мир сделать видимым, воплотить его, чтобы пьеса ожила, задышала.

— За наивными речами героев вы чувствовали скрытый смысл?

— Иногда они произносят слова, чтобы скрыть свои мысли. Или слухавить, обмануть. За словами всегда спрятана некая ситуация. Главное — понять ее, почувствовать, соотнести со своими переживаниями и мыслями. Если так поступить, понимаешь, что происходит. Предположим, Мавра, одна из главных героинь «Правды хорошо, а счастье лучше», понимает, что парень, которого она любит, ушел на войну и не вернется. Она выходит замуж и становится купчихой. Проходят годы, и тот, кого она любила, на старости

МИХАИЛ ГУТЕРМАН

лет возвращается на родину. А Мавра родила сына, воспитывает внука и пытается навязать близким свои понятия о счастье. Она старательно выстраивает свой иллюзорный мир, оберегает и сохраняет его. Нужно, чтобы сын казался всем богатым и замечательным человеком. Чтобы внучка не выскочила за какого-нибудь приказчика. И вдруг появляется человек, которого Мавра когда-то любила, она вспоминает свою первую любовь, и ее иллюзорный мир рушится. Все вдруг становится ясно и просто: если проворовался — садись в яму. Если кого-то любишь — будь рядом с любимым.

— Вашей первой постановкой в Малом театре стал спектакль «Горе от ума», знакомый зрителю наизусть. Его проще было репетировать?

— Репетировать такие пьесы — счастье. «Правда хорошо, а счастье лучше» раскрывалась не сразу, мы входили в нее постепенно. Подчас невозможно было репетировать ее по сценам. Приходилось репетировать весь акт целиком, чтобы сохранить общее настроение и атмосферу действия. А еще нужно, чтобы в компании людей, работающих над спектаклем, было доброе и какое-то влюбленное отношение друг к другу. Когда оно возникает, пьеса по-настоящему раскрывается и рождается в образе спектакля. А атмосфера добра и влюбленности передается со сцены в зрительный зал. В пьесе занято не много артистов, у всех есть роли. Это всегда приятно. В «Правде хорошо, а счастье лучше» есть реплика одного из героев: «Не мешай, маменька, фантазия разыгрывается». Если говорить о стиле, жанровом решении спектакля, то это — разыгравшаяся фантазия.

— А актеры на репетициях сами тоже что-то придумывали?

— А как же иначе-то? Не просто что-то придумывали, а сочиняли свои роли и спектакль.

— Бывает, что на репетициях они просто выполняют указания режиссеров.

— Мне это не нравится. Я отношусь к тому типу режиссеров, которые не ставят спектакль, а сочиняют его вместе с людьми, входящими в творческий сговор. Когда возникает некая затея и хочется ее осуществить. По-моему, театр не может быть индивидуальным. Это коллективное, совместное сочинительство.